

С. В. Хамутовская

***Социально-психологический подход к изучению
электорального поведения населения:
сущность и особенности***

***The socially-psychological approach to the studying of
electoral behaviour of the population: essence and features***

Keywords: *electoral behaviour of the population, post-communist countries*

В число ведущих институтов современных демократических государств входят референдумы и выборы в центральные и местные органы власти, с помощью которых не только определяется расстановка политических сил, выявляется влияние тех или иных политических деятелей, партий, коалиций, но и происходит легитимизация существующей политической системы и политического режима. Путем голосования на выборах граждане выражают свои политические взгляды и настроения, дают оценку действующей власти, высказываются о дальнейших перспективах развития страны. При этом, существенное значение имеет не только то, какое решение принимается электоратом в ходе голосования, но и то, каким образом ведут себя различные группы населения, обладающего избирательным правом, на протяжении всех стадий

избирательного процесса, а также в промежутках между выборами, референдумами.

Электоральное поведение населения – неотъемлемая составляющая политических и избирательных процессов. В социологическом контексте оно может быть определено как форма участия граждан в политической жизни, которая включает политически значимые потребности, мотивы, ориентации, предпочтения, установки и социальные действия электората как специфической социальной общности, проявляемые в ходе избирательных кампаний и выборов в органы государственной власти. Актуальность изучения электорального поведения обусловлена тем, что данный феномен выступает важным социально-политическим показателем, с помощью которого можно определить уровень развития демократии и особенности формирования демократических институтов, характер и динамику взаимодействия государства и граждан, степень политической активности населения, особенности становления гражданского общества в той или иной стране.

На протяжении всей истории существования политического процесса и выборов как его части велся поиск закономерностей участия людей в политической жизни, постепенно происходил переход от эмпирики к построению теоретических моделей и различных схем электорального поведения. В зарубежной социологической науке сложилось три основных теоретико-методологических подхода к изучению электорального поведения, каждый из которых по-своему интерпретирует механизм политического выбора: конкретно-социологический, рационально-инструментальный и социально-психологический. Суть первых двух подходов заключается в следующем. Конкретно-социологический подход, наиболее ярко представленный в трудах П. Лазарсфельда, С. Липсета и С. Роккана, ориентируется на эмпирическое исследование

социально-структурных и социально-демографических особенностей электорального поведения населения и указывает на то, что большинство избирателей голосует, исходя из принадлежности к большой социальной группе, классу и солидарности с ними. Представители рационально-инструментального подхода – Э. Даунс, М. Фиорина и другие – считают, что электоральное поведение не экспрессивно, то есть не основано на социальной солидарности, и крайне мало подвержено влиянию партийной идентификации. Оно в большей степени эгоцентрично и рационально: избиратели сопоставляют свои затраты и получаемый результат от участия в выборах, стараясь максимизировать выгоду, минимизировав издержки.

В начале 50-х годов XX века американские ученые во главе с Э. Кэмпбеллом, П. Конверсом и У. Миллером начали работать над созданием теоретико-методологического подхода к анализу электорального поведения, впоследствии получившего название социально-психологического. Этот подход рассматривает электоральное поведение как экспрессивное, то есть основанное на солидарности. При этом, объектом, с которым проявляют солидарность избиратели, выступает малая социальная группа, которой может быть политическая партия, союз, ассоциация [Campbell: 1976: 573].

Лояльность по отношению к той или иной политической партии вырабатывается у индивидов в процессе политической социализации. Как правило, основным агентом первичной политической социализации выступает семья: нередко люди являются приверженцами какой-либо партии, так как на протяжении многих лет именно за нее голосовали их предки. Впоследствии на уже сформировавшиеся политические взгляды, представления в определенной степени воздействуют различные социальные характеристики и «краткосрочные эффекты» (например, новые кандидаты, актуальные проблемы, поднимаемые в ходе избирательной кампании и т. п.), но определяющим фактором

остаётся «партийная идентификация индивида» [Голосов, 1997: 45], которую Э. Кэмпбелл определил как «психологическое прикрепление к партии, а не легальное членство или контакт с партийной организацией» [Wattenberg, 1986: 5]. Особенно актуально «партийное наследование» в условиях постиндустриального развития, а также в условиях многопартийных систем.

Партийная идентификация, в большинстве случаев, воспринимается избирателем не просто как психологическая привязанность, а как индивидуальная ценность, от которой нелегко отказаться даже тогда, когда это необходимо для реализации его реальных интересов. То есть социально-психологический подход в определенной степени делает акцент на эмоциональный аспект выбора. Ведущими в нем являются теория партийной приверженности и направление имиджевых выборов, когда избиратель голосует на основании социально-психологической поддержки личности кандидата. При этом, задача партийной идентификации также состоит и в том, чтобы помочь избирателю разобраться в огромном объеме политической информации и в различиях субъектов политической деятельности.

По мнению ряда исследователей, процесс формирования и характер партийной идентификации подвержены влиянию многих факторов. Так, американские авторы Д. Ниммо и Т. Юнгс важное место отводят социальной мобильности, утверждая, что по мере ее развития, в период юности, когда индивид определяется с профессией, устраивается на работу, заводит семью, его собственные взгляды могут начать отличаться от родительских. То есть изменение социального статуса влечет за собой и перемену партийной идентификации [Nimmo, 1979: 145].

Изучая американскую политическую систему, данные авторы пришли к выводу о том, что «люди с нисходящей социальной мобильностью, чей социальный статус оказывается ниже

родительского, более заинтересованы в политике, более консервативны в экономических вопросах, более либеральны в вопросах международной политики и гражданских свобод, чаще ощущают себя республиканцами» [Попова, 2001: 171]. Таким образом, социальная мобильность, воздействуя на политические ориентации, предпочтения и партийную идентификацию, приводит последние в соответствие новому социальному статусу, так чтобы новые политические взгляды оказались между теми, какие превалировали в семье, и теми, которые подходят для новой социальной позиции индивида в жизни.

Иные исследователи указывали, что существенное влияние на процесс партийной идентификации могут оказывать:

- место жительства: так, обычно жители сельской местности отличаются большей склонностью к консервативным настроениям, по сравнению, с горожанами, и меньшим желанием проявлять характер своих политических предпочтений;

- социальные контакты индивида, связанные с его происхождением и социальным окружением: так, например, американские авторы К. Лэнгтон и Р. Раппопорт, проводя исследование в 1964 году в Чили, обнаружили, что голосование за кандидата в президенты С. Альенде в определенной степени было обусловлено тем, что люди, «жившие в рабочей среде, стали идентифицировать себя в качестве рабочих» [Попова, 2001: 172]. Однако, впоследствии другие авторы призывали не понимать вышеназванный фактор столь однозначно, указывая на то, что современные избиратели все чаще и чаще отслеживают, осмысливают и интерпретируют политическую информацию, выбирая за кого голосовать с учетом своих индивидуальных интересов;

- расовый или этнический фактор, который до сих пор является спорным в научной литературе. Некоторые исследователи убеждены, что расовые или этнические проблемы могут наиболее сильно

воздействовать на формирование партийной идентификации в той ситуации, когда на конкретной территории увеличивается численность того или иного расового или этнического меньшинства, что воспринимается представителями коренной нации (расы) в качестве угрозы их доминированию. Другие же считают, что оказание предпочтения какой-либо партии не может быть связано с ущемлением свобод человека, в том числе гражданских и политических, поэтому объяснять партийную идентификацию, апеллируя к расовым отношениям, неправомерно;

- идеологические предпочтения, «представляющие собой попытки рационального обоснования социально-статусных диспозиций» [Мелешкина, 2000: 180] и, как правило, теряющие свою значимость по мере усложнения социальной структуры и развития демократического политического режима. Если в 50-60-х годах XX века можно было говорить о более или менее строгом соответствии той или иной идеологии определенной социальной группе («классовости» идеологии), то, начиная с 1970-х годов XX века (преимущественно в США, Великобритании, Западной Германии, Франции), эта взаимосвязь начинает носить условный характер, позиция избирателей по ряду проблем все чаще опосредуется не их принадлежностью к классу, большой социальной группе, групповым восприятием политической действительности, а индивидуализацией политического сознания [Dalton, 1988: 201]. «К тому же в современных условиях любое идеологическое течение включает в себя положения, которые импонируют самым разнообразным классам, стратам и социальным группам, что создает условия для их идеологического консенсуса» [Попова, 2001: 174].

Многие из названных параметров нашли свое отражение в классическом варианте «воронки причинности» представителя Мичиганской школы Э. Кэмпбелла, учитывающем различные факторы, воздействующие на выбор избирателя (мнение окружения,

деятельность правительства, социально-политические условия, средства массовой информации и иные). Однако, решающее значение, по мнению Э. Кэмпбелла, имеет партийная идентификация.

Российский исследователь Мелешкина Е. на основе предложенного в 1960 году Э. Кэмпбеллом варианта «воронки причинности», объясняющего электоральное поведение американцев, но не обладающего универсальностью по отношению к другим странам, конструирует собственную модель, схематическую и более адаптированную к российским политическим реалиям. Данная модель демонстрирует влияние на электоральный выбор множества факторов, зачастую равных по значимости, без явного выделения из них ведущего, в отличие от варианта Э. Кэмпбелла, где приоритетное место отводилось партийной идентификации [Мелешкина, 2002: 51].

Мелешкина Е. указывает, что под воздействием различных социальных факторов у людей возникают разнородные установки, которые в совокупности сказываются на электоральном выборе. К последним, в частности, относятся:

- жизненные позиции: оптимист-пессимист, консерватор-сторонник прогресса и т.п.;
- социально-статусные диспозиции, складывающиеся на основе социального статуса и его субъективного восприятия;
- идеологические предпочтения, определяемые ценностной системой личности, условиями политической социализации, типом политической культуры;
- субъективные мнения и суждения, формирующиеся под воздействием краткосрочных факторов, в первую очередь, эмоциональной реакции на те или иные события, действия политиков.

Данные установки, взаимодействуя между собой, создают все новые и новые установки, поярусное накопление которых в каждом конкретном случае образует некую «конфигурацию побудительных причин голосования» [Мелешкина, 2000: 182]. Когда система

установок устойчива и хорошо структурирована, могут быть обнаружены относительно надежные корреляции, к примеру, между идеологическими предпочтениями, партийной идентификацией, статусными диспозициями и результирующим выбором в ходе голосования. В противном случае (по мнению Мелешкиной Е., прежде всего, применительно к России), необходимо учитывать всю совокупность установок, анализируя при этом их отдельные типы и взаимосвязи между ними, так как логика влияния последних на голосование может значительно отличаться.

Еще один российский социолог В. Ядов придерживается той точки зрения, что партийная идентификация человека базируется на целом комплексе социально-демографических и статусных параметров, включающих в себя образование, должностной статус, род занятий, пол, возраст, условия и характер труда.

Известна многофакторная «воронка причинности», разработанная исследователем Э. Оппенхуйсом, в которой он выделяет долгосрочные факторы, независимые от электорального поведения, но влияющие на него, и краткосрочные. К первым Э. Оппенхуйс относит:

- идеологические предпочтения;
- положение на осях «левый-правый» и «материализм-постматериализм»;
- принадлежность избирателя к той или иной социальной или религиозной группе.

Ко вторым – оценку электоратом деятельности правительства, его отношение к различным проблемам (социально-экономическим, политическим и т.п.). При этом краткосрочные факторы определяют долгосрочные. Важным, на взгляд автора, является и размер политических партий [Oppenhuis, 1995]. Учет и анализ всех названных факторов позволяет создать единую интегральную модель, объединяющую различные теоретические подходы к

изучению электорального поведения и позволяющую более эффективно исследовать процесс формирования и проявления партийных предпочтений.

Однако, в «воронке причинности» Э. Оппенхюйса исключается возможность взаимного влияния долгосрочных и краткосрочных факторов друг на друга. Хотя в реальности связь факторов не обязательно должна носить однонаправленный характер. Например, идеологические предпочтения зачастую определяют отношение человека к деятельности правительства. И наоборот, деятельность правительства прямо или косвенно может сказываться на идеологических предпочтениях.

Кроме того, как и классический вариант «воронки причинности» Э. Кэмпбелла, модель Э. Оппенхюйса рассчитана, прежде всего, на анализ электорального поведения населения стран Западной Европы. По мнению Э. Оппенхюйса, многофакторный анализ показывает возможность объединения различных факторов, описанных в рамках разных теоретических традиций западной политической социологии, в единую модель, с помощью которой можно объяснять партийные предпочтения в странах Европейского сообщества, где партийная система достаточно развита и устойчива.

Представитель Мичиганской школы Ф. Конверс в рамках социально-психологического подхода выдвинул концепцию «нормального голосования», согласно которой результаты выборов зависят от ряда краткосрочных факторов и интенсивности партийной идентификации [Boyd, 1972: 429-430]. Если краткосрочные факторы оказывают существенное влияние на электоральный процесс в ходе конкретных выборов, то голосование подвержено их воздействию. В противном случае, избиратели голосуют, исходя, преимущественно, из своей партийной идентификации.

В зависимости от степени выраженности партийной привязанности в концепции «нормального голосования» выделяется

две группы избирателей: 1) «твердые» партийные приверженцы; 2) «умеренные» партийные приверженцы. Электоральному поведению первых присуща большая устойчивость, по сравнению со вторыми: чем сильнее партийная идентификация, тем увереннее индивид отдает свой голос конкретной политической партии, следит за ее деятельностью, активнее участвует в выборах, тем меньше его политическая позиция поддается влиянию краткосрочных факторов [Campbell, 1966: 170-171].

Вместе с тем, в концепции Ф. Конверса не описана реакция партийных приверженцев на возникновение расколов внутри партий и создание новых политических сил. А, как известно, на практике, нередко актив новых партий как раз состоит из бывших членов других партий, которых по данной классификации можно отнести к «твердым» партийцам. Кроме того, «нормальное голосование» не подходит для «критических» выборов, в ходе которых происходит изменение партийной идентификации под воздействием тех или иных факторов (на взгляд исследователя В. О. Кея, выборы становятся критическими, если очевидно возникают «глубокие и продолжительные расколы в структуре электоральных предпочтений» [Pomper, 1972: 425]).

В целом, социально-психологический подход получил достаточно широкое распространение в социологических исследованиях электорального поведения, особенно в Соединенных штатах Америки и Западной Европе, а также в государствах с двухпартийной системой, таких как, к примеру, Великобритания. Понятие «партийной идентификации» до сих пор можно считать «одним из важнейших в электоральных исследованиях на Западе» [Голосов, 1997 45], хотя большинство современных авторов стремятся не возводить его в абсолют, а придерживаться многофакторных моделей. В качестве основного метода сбора эмпирической информации представители данного подхода использовали, главным

образом, панельные социологические опросы, позволяющие иметь дело с большим массивом данных, структурировать информацию по определенным критериям, отслеживать динамику голосования, выявлять степень влияния на поведение избирателей различных факторов, что не могло не способствовать развитию электоральных исследований.

Однако, в конце 50 – начале 60-х годов XX века была выявлена некоторая ограниченность данного подхода. В частности, в социально-психологическом подходе обнаружилось проблемы как методологического, так и теоретического характера. Многие вопросы не нашли ответов. Осталось до конца не выясненным:

- следует ли считать партийную идентификацию одномерной или многомерной: в многопартийных системах при наличии большого количества политических партий может ли избиратель идентифицировать себя с несколькими партиями сразу, влияет ли его партийная идентификация на отношение к другим партиям и т.п.; в двухпартийных системах избиратели часто называют себя независимыми, но на выборах отдадут свой голос одной из двух ведущих партий – какова роль партийной идентификации в таком случае;

- есть ли механизмы, определяющие формирование партийной идентификации и можно ли корректировать их работу;

- что происходит с партийной идентификацией в условиях изменения социальной структуры, системной трансформации экономической и политической сфер общества;

- какие методы, помимо панельных опросов, также являются эффективными для социологического анализа электорального поведения и др.

Кроме того, в конце 50 – начале 60-х годов XX века в большинстве развитых демократий избиратели стали «отходить» от традиционных политических партий, связь между групповой (классовой) принадлежностью и выбором при голосовании

приобрела менее выраженный характер. К примеру, английский социолог Э. Гидденс писал о постепенном ослаблении корреляции между классом и электоральным поведением в Великобритании, что особенно четко начало проявляться в 70-х годах XX века [Гидденс, 1999: 303-304].

Продолжая эту мысль, исследователь А. Крю отметил, что в данный период времени в Англии возросло значение «тех сторон жизни людей, которые не находятся в прямой связи с классовыми различиями, – например, живут ли они в собственных домах или в арендованных, являются ли членами профсоюзов или нет» и т.п. [Гидденс, 1999: 304]. Исследования, осуществленные для выяснения политических симпатий британского электората, показали, что число людей, относящих себя к «верным» или «горячим» сторонникам лейбористской либо консервативной партии, с 1970 по 1986 годы уменьшилось с 80% до 60%, и на каждых последующих выборах этот процент продолжал снижаться [Гидденс, 1999: 303].

Что касается применения социально-психологического подхода к анализу электорального поведения населения посткоммунистических стран, то представляется целесообразным в данном случае учитывать особенности развития последних. Как известно, в ряде подобных стран, в том числе и в Республике Беларусь, долгое время существовала однопартийная политическая система, не позволяющая гражданам объектом своего внимания избрать какую-либо иную партию, кроме правящей. И хотя в некоторых государствах партии, действовавшие до прихода к власти коммунистов, впоследствии были восстановлены, ни в одной посткоммунистической стране, кроме Румынии, такие партии не смогли стать значимым фактором электоральной политики. Возникшие же новые партии в силу их организационной нестабильности и неустойчивости избирательных предпочтений, оказались несовместимыми с понятием партийной идентификации.

К примеру, известно, что значительная часть граждан Республики Беларусь не идентифицирует себя с какими-либо политическими партиями. Выдающийся белорусский исследователь, академик Е.М. Бабосов в книге «Социально-стратификационные факторы обеспечения устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь», отмечает, что не идеология, не партия, не государство, а семья – ведущий идентифицирующий фактор для современного белоруса. Так, в 2007 году 85% опрошенных граждан нашей республики различных имущественных, социальных статусов, политических и идеологических предпочтений идентифицировали себя именно с семьей (по данным республиканского мониторинга общественного мнения, проведенного в 2007 году Институтом социологии Национальной академии наук Беларуси, выборка – 2065 человек) [Бабосов, 2008: 112]. Согласно данным опроса общественного мнения, проведенного Институтом социологии Национальной академии наук Беларуси в октябре 2010 года (республиканская выборка составила 1501 человек), 95,3% белорусских избирателей не состояли и не принимали участия в деятельности политических партий, всего 23,5% респондентов положительно отзывались о функционировании последних.

По мнению английских исследователей Р. Роуза и У. Мишлера, сама идея партийной приверженности за многие годы функционирования Коммунистической партии была значительно дискредитирована, особенно в независимых государствах, образовавшихся после распада Советского Союза. Проведя исследования в Венгрии, Польше, Румынии и Словении в 1995 году, они пришли к выводу о наличии в странах посткоммунистического блока четырех возможных типов партийной идентификации [Rose, 1998: 217-234]

– негативной: характеризуется тем, что избирателю легче определиться за какую партию он никогда не проголосует, чем выбрать партию, за которую он бы проголосовал (такой тип был присущ 52,0% опрошенным);

– закрытой: отличается проявлением и негативной, и позитивной партийной идентификации у избирателей, наблюдается в условиях поляризации электоральных отношений (к этому типу принадлежало 25,0% опрошенных);

– открытой: подразумевает, что избиратели идентифицируют себя с определенными политическими партиями, но при этом не могут назвать партии, за которые не стали бы отдавать свой голос, чаще всего встречается в обществах со стабильной партийной системой (данный тип был отмечен лишь у 5,0% опрошенных);

– апатичной: присуща избирателям, не имеющим ни позитивного, ни негативного отношения к политическим партиям (такой тип был присущ 18,0% опрошенных).

Таким образом, из всего вышесказанного видно, что социально-психологический подход объясняет электоральное поведение населения, главным образом, действием партийной идентификации и может достаточно успешно применяться в странах с устоявшимися политическими структурами, институтами, связями, партиями. Однако, существенное влияние партийной идентификации, находящейся в центре социально-психологического подхода, на электоральный выбор, например, населения Республики Беларусь станет возможным лишь через значительный период времени, когда сложатся сильные, устойчивые и активно воздействующие на политику государства партии, будут внесены соответствующие изменения в процесс политической социализации индивидов, предполагающие формирование, сохранение и передачу партийных предпочтений от старших поколений младшим, в избирательное законодательство. Но уже сейчас нельзя отрицать того, что любые выборы связаны с психологической подоплекой голосования, что позволяет говорить об определенной степени применимости социально-психологического подхода к анализу электорального поведения населения Беларуси и иных посткоммунистических стран.

Summary

In article the genesis, essence and the basic features of the socially-psychological approach to the studying of electoral behaviour of the population, an opportunity of its application in sociological research of electoral behaviour of citizens of the postcommunist countries (first of all the Republic of Belarus) in view of specificity of a condition and development of their political and party system, the legislation of elections and practice of elections are revealed. The interpretations of the socially-psychological approach by various authors – by E. Campbell, P. Converse, U. Miller, D. Nimmo and T. Jungs, R. Rose and U. Mishler and others – are analysed. The works of some Russian authors undertaking attempts on the basis of the given approach to create own models of electoral behaviour are considered, meeting the requirements of the Russian political realities (E. Meleshkina), to reveal the base of party identification of the Russians (V. Iadov).

- [1] Boyd, R.W. 1972. *Popular control of Public Policy: A Normal Vote Analysis of the 1968 Election* / R.W. Boyd // *The American Political Science Review*. Vol. 66, № 2.
- [2] Campbell, A. 1966. *Elections and the Political Order* / A. Campbell, P. Converse, W. Miller, D. Stokes. – New York: Wiley.
- [3] Campbell, A. 1976. *The American Voter* / A. Campbell, P. Converse, W. Miller, D. Stokes. – Chicago: University of Chicago Press.
- [4] Dalton, R.J. 1988. *Citizen Politics in Western Democracies: Public Opinion and Political Parties in the United States, Great Britain, West Germany and France* / R.J. Dalton. – Chatham: Chatham House Publishers.
- [5] Nimmo, D. 1979. *Political patterns in America: conflict representation and resolution* / D. Nimmo, T. Unga. – San Francisco: W.H. Freeman.
- [6] Oppenhuys, E. 1995. *Voting Behavior in Europe: a Comparative Analysis of Electoral Participation and Party Choice* / E. Oppenhuys. – Amsterdam: Het Spinhuis.
- [7] Pomper, G.M. 1972. *From Confusion to Clarity: Issues and American Voters, 1956-1968* / G.M. Pomper // *The American Political Science Review*. Vol. 66, № 2.

-
- [8] Rose, R. 1998. *Negative and Positive Party Identification in Post-Communist Countries* / R. Rose, W. Mishler // *Electoral studies*, 1998. – Vol. 17, № 2.
- [9] Wattenberg, M.P. 1986. *The Decline of American Political Parties, 1952-1984* / M.P. Wattenberg. – Cambridge, Massachusetts, London: Harvard University Press.
- [10] Бабосов, Е.М. 2008. *Социально-стратификационные факторы обеспечения устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь* / Е.М. Бабосов, Е.С. Бабосова. – Минск: Право и экономика.
- [11] Гидденс, Э. 1999. *Социология: учебник: пер. с англ.* / Э. Гидденс ; под общ. ред. Л.С. Гурьевой, Л.Н. Иосилевича ; науч. ред. В.А. Ядов. – М.: Эдиториал УРСС.
- [12] Голосов, Г.В. 1997. *Поведение избирателей в России: теоретические перспективы и результаты региональных выборов* / Г.В. Голосов // *Полис*.
- [13] Мелешкина, Е.Ю. 2000. *Российский избиратель: установки и выбор* / Е.Ю. Мелешкина // *Первый электоральный цикл в России (1993–1996 гг.)* / Общ. ред.: Е.Ю. Мелешкина, В.Я. Гельман, Г.В. Голосов [и др.]. – М.
- [14] Мелешкина, Е.Ю. 2002. *«Воронка причинности» в электоральных исследованиях* / Е.Ю. Мелешкина // *Полис*. – № 5.
- [15] Попова, О.В. 2001. *Социально-демографические факторы политической идентичности* / О.В. Попова // *Miscellanea humanitaria philosophiae*. Очерки по философии и культуре. К 60-летию профессора Ю.Н. Солонина. – СПб: Санкт-Петербургское философское общество, – Сер., «Мыслители». – Вып. 5.